

- [Готье Теофиль](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Готье Теофиль

Мода как искусство

Теофиль Готье

Мода как искусство

Перевод с французского Веры Мильчиной

Отчего цивилизация, которая ставит одежду чрезвычайно высоко, поскольку ее нравственные устои, а равно и особенности климата запрещают людям ходить нагими, отдает искусство одеваться на откуп портным и портнихам? В нынешнюю эпоху одежда сделалась для человека чем-то вроде кожи, с которой он ни при каких условиях не разлучается; одежда так же необходима человеку, как шерсть животному; в результате о том, как выглядит человеческое тело, никто уже не вспоминает. Всякий, кто хоть немного знаком с художниками и кому случалось бывать в их мастерских в то время, когда им позируют натурщики, испытывает при виде неведомого зверя - амфибий обоего пола, выставленных на обозрение публики, - безотчетное изумление, смешанное с легким отвращением. Экземпляр неизвестной науке породы, недавно привезенный из Центральной Австралии, вне всякого сомнения, не выглядит так неожиданно и так ново с зоологической точки зрения, как обнаженный человек; поистине, в Зоологическом саду следовало бы установить клетки для самцов и самок из породы homo, сбросивших искусственную кожу. На них смотрели бы с таким же любопытством, как на жирафу, онагра, тапира, утконоса, гориллу или двуутробку.

Если бы не дошедшие до нас восхитительные античные статуи, традиция изображения человеческого тела прервалась бы навсегда. Лишь тем художникам, которые созерцают эти мраморные и бронзовые шедевры или их гипсовые копии и сравнивают их с обнаженными натурщиками, удастся с трудом восстановить идеальное существо, запечатленное творцами скульптур, барельефов и полотен. Что общего между этими абстрактными фигурами и одетыми зрителями, их рассматривающими? Можно ли сказать, что это создания одной породы? Ни в коем случае.

Мы будем вечно сожалеть об исчезновении обнаженной натуры , составляющей самую основу искусства: ведь человек не может вообразить себе форму более совершенную, чем форма его собственного тела, созданного по образу и подобию Божьему. Обнаженная натура, естественная в божественном климате Греции, в пору юности человечества, когда поэзия и искусства расцветали, словно цветы умственной весны, породила Фидия, Лисиппа, Клеомена, Агасия, Агесандра, Апеллеса, Зевксиса, Полигнота, как позже она же породила Микеланджело и дивных творцов эпохи Возрождения (говоря об обнаженной натуре, мы имеем в виду также и ее непереносимую спутницу драпировку, неотрывную от обнаженной натуры, как гармония неотрывна от мелодии); однако в эпоху Возрождения обнаженная натура сделалась не более чем условностью; в эту пору человек уже был немыслим без одежды.

Скульпторы и художники жалуются на подобное состояние дел, а между тем они могли бы к собственной пользе изменить его если не полностью, то хотя бы отчасти. Современные наряды, утверждают они, мешают им создавать шедевры; послушать нынешних творцов, так в том, что они не Тицианы, не Ван Дейки и не Веласкесы, виноваты исключительно черные фраки, пальто и кринолины. Тем не менее и эти великие люди изображали своих современников в нарядах, которые так же мало обнажали тело, как и наши, и которые, порой отличаясь элегантностью, гораздо чаще выглядели уродливо или странно. Да и так ли некрасиво наше платье, как принято думать? Разве у него нет собственного значения, которое, к сожалению, плохо понимают художники, всецело проникнутые античными идеями? Своим простым покроем и нейтральным цветом оно создает выгодный фон для человеческой головы - средоточия ума и рук - орудий мысли и знаков породы; оно придает телу какую угодно форму и подсказывает жертвы, какие необходимо принести ради общего впечатления. Вообразите себе Рембрандта, пишущего портрет человека нашего времени, человека, одетого в черный фрак: он направит свет, падающий сверху, на лицо своей модели, осветит одну щеку, погрузив другую в теплый полумрак, заставит сверкать отдельные волоски усов и бороды, изобразит фрак густой и приглушенной черной краской, а белье - широкими мазками белого с соломенным оттенком, обозначит двумя-тремя блестящими точками цепочку от часов, очистит цвет лица

от асфальтово-серых тонов. И как только он делает все это, вы обнаружите, что фрак нынешнего парижанина ничуть не менее красив и характерен, чем камзол голландского бургомистра. Если же вы предпочитаете живописи рисунок, взгляните на портрет г-на Бертена работы г-на Энгра. Разве складки редингота и панталон уступают в четкости, благородстве и чистоте складкам хламиды или тоги? Разве под прозаическими одеждами тело не живет своей жизнью точно так же, как и тело статуи под драпировками?

Люди нашего времени не отличаются, как правило, ни красотой, ни силой. Антиной сегодня выглядел бы смешным. Самый заурядный домкрат без труда выполняет работу Алкида. Поэтому не стоит украшать то, что не заслуживает внимания; главное - избежать тяжеловесности, вульгарности, погрешностей против элегантности и скрыть тело под оболочкой, которая не выглядела бы ни слишком широкой, ни слишком узкой, которая не слишком подчеркивала бы наши формы и была бы, за исключением немногих деталей, пригодной для всех, как маскарадное домино. Долой золото, вышивки, яркие цвета, долой театральность; пусть окружающие чувствуют, что человек хорошо одет, но при этом в памяти у них не останется ни единой черты его наряда. Качество сукна, безупречность покроя, продуманность фасона и, главное, умение носить костюм - вот в чем заключается изысканность. Оттенки эти ускользают от художников, которые в большинстве своем влюблены в яркие краски, в обильно ниспадающие складки, в переливающиеся драпировки, в могучие торсы и развитые бицепсы. Они жалеют, что никому из юных модников не пришло в голову завести себе шляпу с пером или алый плащ; они удивляются упорству, с каким светские люди хранят верность своим печальным, бесцветным, однообразным одеяниям, а это все равно что спрашивать, отчего в Венеции все гондолы - черного цвета.

Между тем при всем их однообразии нет ничего легче, чем отличить гондолу патриция от гондолы буржуа.

Впрочем, если у художников еще есть основания протестовать против мужского платья, фасоны которого они предоставляют сочинять портным, вместо того чтобы взяться за это дело самим, то уж бранить женские наряды они не имеют ровно никакого права. Если бы художники чаще бывали в свете и согласились хотя бы на один вечер

избавиться от своих профессиональных предрассудков, они увидели бы, что бальные туалеты наших дам способны удовлетворить самые взыскательные вкусы и что художник, который изобразил бы их с исторической точки зрения стильно, но точно, создал бы изумительные шедевры красоты, элегантности и колорита. Лишь тот, кто всецело пребывает во власти ложноклассического образования, способен не почувствовать прелести таких картин, как разъезд после представления в Опере или дамы в гостиной, сидящие в креслах или стоящие подле консоли или камина.

Никогда еще, пожалуй, дамы не могли похвастать такими восхитительными прическами; мы видим плоды поистине сказочного мастерства: волосы завитые, уложенные, заплетенные в косы, взбитые над ушами, зачесанные назад, скрученные жгутом. Парижский гребень не уступит греческому резцу, а волосы парижанок куда покорнее, чем паросский или пентеликонский мрамор. Взгляните на эти прекрасные темные пряди, обрамляющие чистыми линиями бледное чело и схваченные, словно диадемой, витым шнурком, поддерживающим шиньон; взгляните на эту белокурую корону, которая, кажется, трепещет под любовным дуновением ветерка и окружает бело-розовое личико золотым ореолом! Оцените эти собранные на затылке узлы, локоны, витые косы, подобные рогам Амона или завиткам ионической капители! Разве сумел бы афинский скульптор или художник эпохи Возрождения расположить их с большим изяществом, выдумкой и вкусом?

По нашему мнению, нет.

Пока мы описали только форму, придаваемую волосам, что же будет, когда мы дойдем до прически в собственном смысле слова? Никакому искусству не достичь подобного совершенства. Цветы, в которых среди рыжих, зеленых, нежно-голубых лепестков дрожат капли росы, гибкие ветви, небрежно падающие на плечи, старинные монеты, жемчужные сетки, брильянтовые звезды, заколки с филигранью или бирюзой, золотые нити, вплетенные в волосы, невесомые и призрачные радужные перья, банты, похожие на пышные растрепанные розы, переплетения бархатных лент, легкая золотистая или серебристая газовая ткань, играющая в лучах света, кисти розовых кораллов, гроздь аметистов, ягоды рубинов, бабочки из драгоценных камней, стеклянные шары с металлическим отсветом, надкрылья жука-

златки - одним словом, все, что только можно вообразить самого свежего, самого кокетливого, самого блестящего, служит украшением причесок, в которых вы не найдете ничего лишнего, ничего чрезмерного, ни вздорной тяжеловесности, ни смешной роскоши - только то, что гармонирует с формой и выражением лица; Венера Милосская, обрети она руки и одолжи ей современная дама модный корсаж, могла бы отправиться в свет, ничего не меняя в своей прическе! Какой комплимент для моды нашего времени!

Но как же быть с кринолином, спросите вы? Юбки на обручах, платья на пружинах, которые время от времени приходится отдавать в починку, словно остановившиеся часы, - кому не ясно, что такой наряд уродлив, дик, отвратителен, противен искусству? Мы, однако, иного мнения: у женщин есть резоны хранить верность кринолину, невзирая на бесчисленные шутки, карикатуры, водевили и оскорбительные выходки.

Женщины совершенно правы, предпочитая тем узким ножнам, в которые вдевали себя их бабушки и матери, юбки широкие, пышные, объемистые, заметные. Благодаря обилию складок, расширяющихся книзу, словно фустанелла вертящегося дервиша, талия становится изящной и тонкой; просторная юбка выгодно подчеркивает совершенства верхней части тела и придает всей фигуре пленительное сходство с пирамидой. Нагромождение богатых тканей создает своего рода пьедестал для бюста и головы, которые ныне, в эпоху, когда наготы нет места в обществе, сделались наиболее значительными частями тела... Посмей мы прибегнуть при обсуждении столь современного вопроса к мифологическому сравнению, мы сказали бы, что бальные туалеты наших дам отвечают всем требованиям олимпийского этикета. Олимпийских богов изображали с обнаженным торсом; от бедер до ступней их тела были укрыты пышными драпировками. Именно в память об этом современные дамы обнажают, выезжая в свет, шею, плечи и руки. Та же мода царствует и на острове Ява, где ко двору следует являться обнаженным до пояса.

Впрочем, шутки в сторону, перестанем хвастать ученостью и скажем просто, что молодая женщина, которая, причесавшись так, как мы только что описали, облачившись в декольтированное платье без рукавов, с двойными юбками или многочисленными воланами, увлекает за собой на балу волны старинного муара, атласа или тафты,

кажется нам бесконечно прекрасной и одетой как нельзя лучше; признаемся, мы решительно не видим, в чем можно ее упрекнуть. К несчастью, у нас нет современных художников; те, кто по видимости живут в наше время, на самом деле принадлежат эпохам давно прошедшим. Дурно понятая античность мешает им почувствовать сегодняшний день. Они раз и навсегда затвердили одно-единственное представление о прекрасном, и современный идеал остается для них тайной за семью печатями.

Более серьезное возражение против кринолина - его несовместимость с современной архитектурой и меблировкой. В ту пору, когда женщины носили фижмы, гостиные были просторными, двери - двустворчатыми, кресла - широкими; кареты без труда вмещали даму в самой пышной юбке, а театральные ложи не напоминали, как нынче, ящики комода. Ну что ж! придется расширить наши гостиные, изменить форму мебели и экипажей, разрушить театры! Ничего другого нам не остается, ибо точно так же, как ни один художник никогда не отречется от своей манеры, женщины ни за что не откажутся от кринолинов, равно как и от рисовой пудры - другого предмета банальных нападок.

С тем редким чувством гармонии, которое их отличает, женщины ощутили противоречие между бальным нарядом и естественным цветом лица. Точно так же как умелые живописцы посредством легкой лессировки добиваются гармонии между человеческим телом и драпирующими его тканями, женщины высветляют свою кожу, выглядящую на фоне муара, кружев, атласа коричневатого-серой, и сообщают ей единство тона, которого лишены даже самые очаровательные лица, ибо природа окрасила их в разные цвета, чередуя белый, желтый и розовый. Нежнейшая пудра позволяет придать коже слюдяной, мраморный оттенок и скрыть тот здоровый румянец, который в наши дни выглядит совершенно неуместно, ибо предполагает превосходство физических потребностей над потребностями духовными. Возможно даже, что женщин заставляет набрасывать на шею, плечи, грудь и руки этот легкий белый покров, смягчающий теплые, бесстыдные цвета нагого тела, не что иное, как смутное дуновение стыдливости. С помощью пудры формы живого тела приближаются к формам статуи; они очищаются и одухотворяются. Еще одна важная тема - обыкновение женщин

подводить глаза, также нередко порицаемое: благодаря ему ресницы удлиняются, брови выгибаются дугой, глаза загораются новым блеском; женщина, подкрашивающая глаза, подобна прославленному мастеру, наносящему на полотно последние мазки. Мода всегда права.

Пусть великий художник, чей талант не уступает таланту Веронезе, изобразит лестницу Оперы или фойе Итальянского театра в тот час, когда герцогини света и полусвета ожидают свои экипажи, кутаясь в белые бурнусы, в полосатые плащи, в короткие горностаевые мантии, в шерстяные накидки на лебяжьем меху, в чудесные ткани, привезенные со всех концов света; цветы и брильянты окружают их головки блистательным ореолом, кончиками пальцев, затянутых в перчатку, каждая опирается на руку кавалера, источая все бесстыдство своей красоты, юности и богатства, - если такая картина будет написана, кто дерзнет рассуждать о бедности современного костюма!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)